

Елена Никифорова

PELKMANS, MATHIJS. *DEFENDING THE BORDER: IDENTITY, RELIGION, AND MODERNITY IN THE REPUBLIC OF GEORGIA*. ITHACA: CORNELL UNIVERSITY PRESS, 2006. 240 P. ISBN 978-0-8014-7330-2.

Елена Никифорова. Адрес для переписки: Центр независимых социологических исследований. 191040, Санкт-Петербург, Лиговский проспект, 87, офис 301. elenik@bk.ru.

Есть определенная логика в том, что в современном глобализующемся мире, «пространстве потоков», как охарактеризовал его Мануэль Кастельс (Castells 1989), вопрос о границах стал как никогда актуальным. Свидетельством тому является растущее количество исследований, посвященных взаимоотношению политических и социальных границ и вопросам территориальности и идентичности. Исследование Матайса Пелкманса «На страже границы», посвященное влиянию политической границы на системы коллективных идентичностей и солидарностей местных сообществ, — в их числе.

Тогда что же выделяет эту работу из общего ряда? Прежде всего, время и место действия. Речь в исследовании идет об особенной политической границе — «железном занавесе» советских времен — и особом приграничном регионе, малоизвестном широкой исследовательской аудитории — Республике Аджария на границе Грузии и Турции.

Пелкманс начинает свое повествование с «биографии» территориальной границы с Турцией и истории взаимоотношений границы и местного сообщества. В 1921 году территории Аджарии, принадлежавшие Османской империи, были переданы Грузии (по итогам мирового соглашения Советского государства и наследницы Османской империи — Турецкой республики) на условиях сохранения их полной автономии. Основанием для автономии стали религиозные различия между населением Аджарии, исповедовавшим, как и их соседи в Турции, суннитский ислам, и грузинами — православными христианами. Новая граница разрушила социальную ткань в те времена единого пространства приграничья, объединенного родственными связями, общей религией и повседневной культурой, и воцарилась в регионе на долгие шесть десятилетий, определяя жизненный порядок всей прибрежной Аджарии, а в особенности пограничной деревни Сарпи, разделенной пограничным рубежом надвое.

Представленная автором биография границы драматична и увлекательна, как киносценарий. Пелкманс описывает жизнь грузинского Сарпи, пережившего период относительно открытой границы, затем ее закрытие и укрепление, депортации и аресты сталинского времени, в том числе за «шпионаж» и связь «с той стороной», холодную войну, радость открытия границы в конце 1980-х и последующее разочарование. Автор подвергает сомнению одну из аксиом современных приграничных исследований, по которой между двумя сторонами любой, даже самой

укрепленной границы всегда существуют некоторые отношения. Как заключает Пелкманс, советский пограничный режим и идеология преуспели в выстраивании поистине непроницаемого барьера. В течение нескольких десятилетий граница обозначала конец мира для жителей Сарпи, не имевших годами *никаких* контактов с другой стороной.

Действительно, пограничная ситуация времен «железного занавеса» принципиально отличалась от той, которую мы имеем сегодня, когда даже границы барьерного типа можно достаточно легко пересечь если не в физическом, то в виртуальном пространстве. При этом в современной мировой дискуссии о границах, сосредоточенной на определенных регионах и процессах сегодняшнего дня, опыт повседневности советских границ исследован и осмыслен недостаточно. На этом фоне ретроспектива Пелкманса, напоминающая нам о том времени, в котором пересечение границы или даже просто взгляд в ее сторону часто означал переход в иной мир безвозвратно, представляется особенно ценным вкладом не только в исследования Кавказа, но и в приграничные исследования в целом.

Государственная граница — первая, которую рассматривает Пелкманс, но далеко не единственная. Автор использует ее как систему отсчета для анализа множества иных оснований социальной идентификации, значимых в регионе, таких как, например, религия или системы родства. Именно они, как демонстрирует Пелкманс (с. 14), до появления жесткого территориального рубежа имели первостепенное значение для формирования культурных общностей и границ в регионе. Разделение территории на советскую и турецкую и определение местных жителей в первую очередь в национально-этнических категориях не соответствовали локальным представлениям о коллективных идентичностях и солидарностях и отражавшей их системе местных институтов. Новый государственный взгляд на территории и их население был навязан региону, смешанному социально, экономически и культурно. Когда же пал «железный занавес» и эйфория от встречи с родственниками, которой ждали десятилетиями, улеглась, оказалось, что годы жизни порознь не прошли даром. Предполагаемое единство приграничных сообществ, культурно и кровнородственных и все это время, как всем казалось, разделенных границей искусственно, обернулось для грузинской стороны большим разочарованием: стало очевидно, что культурные нормы и практики заграничных родственников сильно изменились. Теперь, в отсутствие укрепленного пограничного рубежа, жители грузинского Сарпи конструируют границу дискурсивно, собирая и обсуждая в своем сообществе ситуации культурного несоответствия.

Пелкманс исследует культурные границы в русле антропологической дискуссии, начатой Фредриком Бартом сорок лет назад (Барт 2006 (1969)). Однако если Барта в его классическом труде занимал вопрос конструирования и *сохранения* культурных границ в ситуации межгруппового контакта, то Пелкманс производит анализ процессов их *трансформации*, к тому же на определенной территории, в приграничье, особенно подверженном переменам. В исследовании детально рассматривается, как изменение политических рубежей и ретерриториализация Аджарии в новое политическое пространство запустили процесс перекройки культурных границ в регионе, а длительный пограничный режим, исключавший

любые контакты, и национальная и антирелигиозная политики, проводившиеся Советским Союзом, закрепили системы границ и идентичностей, формировавшиеся по линиям нового национально-территориального деления.

Сегодня, когда отношения между географическим местом и идентичностью претерпевают глубинные изменения, значимость исследований, рассматривающих влияние политик и практик пространственного контроля на коллективные идентичности и солидарности, трудно переоценить. Работа Матайса Пелкманса — замечательный образец антропологического исследования политического и культурного пограничья и будет полезна всем интересующимся социологией и антропологией границ и южно-кавказским регионом.

Пожалуй, главное, на что можно посоветовать, это на то, что, свободно ориентируясь во множестве границ Аджарии, перемещаясь внутри сложной сети идентификационных маркеров (христианства и мусульманства, локальностей, возрастных и социальных групп, «аджарскости» и «грузинскости»), автор редко покидает границы своей дисциплины и практически не вступает в полемику с сопредельными областями (политической и социальной географией и политической философией), за последние десятилетия значительно продвинувшимися в концептуализации границ и процессов разграничивания и упорядочивания (b/ordering). Возможно, это могло бы сделать его работу, эмпирически очень насыщенную, с точки зрения теории более интересной и провокационной.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Барт, Фредрик (ред.). 2006. *Этнические группы и социальные границы: Социальная организация культурных различий*. М.: Новое издательство.
- Castells, Manuel. 1989. *The Informational City: Information Technology, Economic Restructuring, and the Urban Regional Process*. Oxford: Basil Blackwell.